

- Prohorov G.M. *Drevnerusskoe letopisanie. Vzglyad v nepovtorimoe (Old Russian chronicle. A look into the unique)*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2014. 416 p. (in Russian).
- Rhoby A. Secret Messages? Byzantine Greek Tetragrams and Their Display. *Ars-Hist Papers*. 2013, no. 1. URL: <http://art-hist.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=72> (accessed 20.10.2022).
- Rhoby A. "Das Licht Christi leuchtet allen" — Form und Funktion von Kreuzen mit Tetragrammen in byzantinischen und postbyzantinischen Handschriften. *Byzantine and Post-Byzantine Art: Crossing Borders*. Ed. by E. Moutafov, I. Toth. Sofia, 2018, pp. 71–90 (in German).
- Rybakov B.A. Russian dated inscriptions of the 11th–14th centuries. *Arheologiya SSSR. Svod arheologicheskikh istochnikov. Vyp. E 1–44 (Archeology of the USSR. Code of archaeological sources. Issue E1-44)*. Moscow, Nauka Publ., 1964. 48 p. (in Russian).
- Sterligova I.A. *Ark of Dionysius of Suzdal. Blagoveshchenskiy sobor Moskovskogo Kremlya: Materialy i issledovaniya (Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin, Materials and Research)*. Moscow, State Moscow Kremlin Museums Publ., 1999, pp. 280–303 (in Russian).
- Sterligova I.A. *Ark of Dionysius of Suzdal. Hristianskie relikvii v Moskovskom Kremle (Christian relics in the Moscow Kremlin)*. Moscow, Radunica Publ., 2000, pp. 45–52 (in Russian).
- Walter Ch. IC XC NIKA. The Apotropaic Function of the Victorious Cross. *Revue des études Byzantines*, 1997, no. 55, pp. 193–220.
- Yacimirskij A.I. On the history of false prayers in South Slavic writing. II. "Praise to the Cross" as a Prayer and Interpretations of the "Words of the Cross". *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti (Branch of the Russian language and literature)*. Vol. 17. Book 3. Saint Petersburg, 1913, pp. 22–51 (in Russian).

Т.Ю. Царевская

Алексеевский крест как художественный феномен, обстоятельства его создания и место в жизни Новгорода

© 2022

УДК 73.03(470.24-25)"13"

ББК 85.13(2)

Ц18

Поступила в редакцию 29.10.2022

Каменный крест, созданный при новгородском архиепископе Алексии (1359–1388) и установленный его повелением на западном фасаде Софийского собора¹, принадлежит к редчайшим образцам древнерусской монументальной пластики^[ил. 1]. Причем уникален он не только из-за высокого качества резьбы высеченных на нем композиций или своей удивительной сохранности, но в силу действительной редкости такого изделия в виде и технике для искусства Древней Руси и, по всей вероятности, особой значимости в жизни новгородцев.

Историография столь незаурядного произведения внушительна, берет начало с середины XIX в.² Впервые развернутое описание памятника дал архиепископ Макарий (Миролюбов), который привел собственное прочтение надписей, находившихся тогда в более полном виде [Макарий (Миролюбов), 1861. С. 92–94]³. Основная часть последующих исследователей рассматривала Алексеевский крест в контексте изучения феномена типа «креста в круге» с точки зрения семантики формы [Шляпкин, 1907. С. 7, 75, 83 (49–84); Спицин, 1903. С. 203–234], генезиса самого явления каменного креста как такового [Преображенский, 2019. С. 533–536, в примеч. 285 на с. 535 — см. обзор мнений о связи новгородских

- 1 После реставрации 1958 г., в связи с использованием гипса для реконструкции утерянной в 1943 г. нижней ветви, находится в интерьере Софийского собора; с 1997 г. установлен слева от Успенского (Большого) иконостаса.
- 2 Первое упоминание об Алексеевском кресте находится в описи Софийского собора 1858 г., составленной прот. Петром Соловьевым [Описание Новгородского Софийского собора, 1858. С. 6, 7].
- 3 Самый первый снимок был сделан И.Ф. Барщевским в 1886 г. Негатив Алексеевского креста, на стекле, хранится в архиве Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева (№ 832 из архива фотографа). URL: <http://vma.muar.ru/ru/subjects/alekseevskiy-krestiv-veka-1886> (дата обращения: 05.12.2022).

ил.1 Алексеевский крест. 1385/1386 г. Софийский собор в Великом Новгороде
fig.1 Alekseevsky Cross. 1385/1386 St. Sophia Cathedral in Veliky Novgorod

крестов «в круге» с различными традициями], его назначения⁴, но главным образом сосредоточиваясь на истолковании последовательности букв ОБЩАГОЛЪ, входящих в состав «летописной» надписи. Прочтение этой надписи, как и попытки датировки произведения, вызвало к жизни немало гипотез, однако и сейчас нельзя сказать, что загадок стало меньше⁵. При этом собственно изобразительные свойства произведения привлекались лишь в малой степени [Вагнер, 1980. С. 139; Николаева, 1984. С. 91], а особенности топографии креста на фасаде не

- 4 А.А. Спициным крест отнесен к числу поклонных храмовых [Спицин, 1903. С. 210, рис. 347]; И.А. Шляпкин считал его обетным: «Во избавление от грядущего зла или в знак благодарения за избавление от мимолетшего» [Шляпкин, 1906. С. 82–84]. См. также [Панченко, 2017. С. 407–413]. Е.В. Соленикова относила крест к памятным-поклонным-обетным-закладным [Соленикова, 1996. С. 4]. По мнению Г.К. Вагнера, Алексеевский (как и Людогощенский) крест соединил в себе памятную и поклонную функции [Вагнер, 1980. С. 110]. Большинство отечественных исследователей придерживаются классификации, предложенной А.А. Спициным и И.А. Шляпкиным [Шахнович, Бельский, 2009. С. 182].
- 5 Обстоятельный обзор вариантов прочтения и толкования — см.: [Бобрик, 2018. С. 114].

рассматривались совсем, хотя и то и другое представляется несомненно существенным для включения памятника в более конкретный контекст культурной жизни средневекового Новгорода и, соответственно, внесения большей ясности в понимание обстоятельств его появления. Именно этим аспектам предполагается уделить основное внимание в статье.

По своим очертаниям монументальный крест, вытесанный из светлого приильменского известняка (174 × 127 × 12 см), типологически является разновидностью креста в круге, хотя его ветви выходят за пределы окружности, намечаемой тонкими перемычками, а нижняя — несущая — ветвь оказывается заметно длиннее и шире остальных. Лицевая сторона украшена вырезанными в низком рельефе четырьмя композициями праздников из числа Господских, окружающими Распятие, расположенное в средокрестии: на верхней ветви — Благовещение, на левой — Рождество Христово, на правой — Сошествие во ад, на нижней — Вознесение⁶. Размещены они, если принять традиционный порядок чтения житийных иконных клейм, в соответствии с евангельским повествованием, т.е. начиная от Благовещения и кончая Вознесением, хотя, если читать по кругу, слева направо — «посолонь», также начиная от Благовещения, то последовательность сцен в точности соответствует календарному ходу праздников мартовского года и завершается Рождеством Христовым. В то же время состав избранных сцен представляет собой последовательное сочетание двух пар праздников неподвижного солнечного (Рождество и Благовещение) и подвижного лунного (Пасха и Вознесение) годового круга. По сути, они являют краткую версию церковного календаря, чей круговорот свершается относительно находящегося в центре Распятия с предстоящими, заключенного в прямоугольное обрамление, несколько укрупненного по сравнению с остальными сценами и тем самым уподобленного среднику иконы.

По внешней кайме, начиная слева, чуть ниже средокрестия, в направлении снизу вверх, проходит искусно вырезанная надпись, которая, обогнув левую и верхнюю ветви, спускается и заканчивается в верхней части правой ветви, значительно выше того уровня, где начинается, т.е. ее исполнитель по каким-то причинам пренебрег симметрией — возможно, стремясь расположить текст таким образом, чтобы имя архиепископа Алексея оказалось венчающим все изделие:

[ВЪ ЛЪ SW - -] ⁷{ПИ}С{АНЪ} БЫ КР(С)ТЬ СЕИ ĩ В НОВЪГОРОДЪ // ОБЩ{АГ}ОЛЪ • ПОВЕ{ЛЕ}{НИ}Ю{МЪ}БО{ЛЮ}Б{ИВ}{АГ}О •

- 6 Эта ветвь была отколота еще в начале XX в., а в годы Великой Отечественной войны — утрачена и впоследствии заменена гипсовой реконструкцией, сделанной на основании довоенных фотоснимков. О судьбе Алексеевского креста в годы войны и в послевоенный период [Лепшина, 2018/2. С. 25–32].
- 7 Со времени Второй мировой войны не читается весь фрагмент ВЪ ЛЪТО SW[.] в целом, знаки десятков и единиц были утрачены еще до начала изучения памятника в XIX в.

{ПР}ЕС{ШНГ}О {АР}{ХИЕ}П(с)КПА//ОЛЕЃ{ИЯ} • {И П}ОСТ{АВ}ЛЕ{Н}Ъ • Н{А П}ОКЛОНЕ{НИЕ} • {ПР}{АВ}ОВЪРНЫ{МЪ} • // ХРС{ТЪ}ЯНО{МЪ} • {АР}{ХИ}Е{П(с)К}{ПУ}#ОЛЕЃ{ИЮ} • ДА//{И Б}Ъ {МН}ОГА ЛЪ(т) • И З{ДР}{АВ}{ИЮ}•{И С}{П(с)НИ}Е • И ДЪТЕ{МЪ} ЕГО ВСЕ{МУ} • {МИ}РУ//⁸

Помимо этой надписи — своего рода «летописи» креста — отдельные композиции сопровождают еще несколько надписей. Над «Распятием» на рельефно выступающей верхней разгранке и непосредственно под нею: «КѢтъ Твой Бе аще древо види//мо ѡсть но Бѣнею силою о//дѣно//ѡсть» (Октоих, глас 5–8, вторник вечер, стихира 2 на стиховне); на верхней перекладине креста с Распятием: IC XC; на средней: ЦѢРЬ СѢВЫ. Косая дощечка, на которую опираются ноги Спасителя, также имеет небольшую надпись, отчасти похожую на граффити. Слово КРЕС начинается слева, а заканчивается под ногами Христа — ТѢ. Фигуры предстоящих сопровождаются инициалами: МР ОУ и ІѠ.. БѢОСЛ. На композиции «Благовещение» помимо традиционных надписаний имени архангела АРХАНГЛ ГАВРИЛ и инициалов Богородицы МР ОУ, между их фигурами: ПРѢБУД//ЕШИ ПО//РЖ(с)ТВѢ// Д(Ѣ)ВА•// АПО//СМЕ//РТИ//ЖИВА (ирмос 9-й песни канона празднику Успения Богоматери); на композиции «Рождество» — инициалы МР ОУ и IC XC; на композиции «Сошествие во ад» — инициалы IC XC и надписания имен: ЕВГА, АДМ, ДВД, ІѠАН; на композиции «Вознесение» — IC XC. Перемычки между ветвями креста и разгранка, отделяющая композиции «Распятие» и «Вознесение» украшены «скорописным» резным орнаментом из S-образных завитков, распространенным в новгородском искусстве XIII–XIV вв. [Николаева, 1984. С. 86–93; Рындина, 1996. С. 73].

Форма креста, с широкими секирообразными ветвями и дугообразными перемычками между ними, с массивным и удлиненным основанием, почти повторяет форму креста Боровичского — его ближайшей, если не единственной аналогии, по стилистическим и палеографическим признакам весьма приблизительно датируемого рубежом XIII–XIV вв. [Преображенский, 2019. С. 539]. Разница лишь в том, что ветви Алексеевского креста заметно вынесены за пределы кольца, а перемычки, его образующие, сделаны тоньше, что придает произведению более монументальный и триумфально-репрезентативный характер. Но сходна лишь общая композиционная структура, в остальном же это произведения, принадлежащие различным пластам художественной культуры Новгорода [Там же], между которыми ощущается серьезная временная дистанция.

Состав праздников, изображенных на кресте, по всей вероятности, обусловлен центральной темой — Крестной Жертвой Христовой, условием

8 Надпись приводится в прочтении, выверенном М.А. Бобрик [Бобрик, 2018. С. 112], с обозначенными ею условными обозначениями: (...) выносные буквы над строкой; [...] восстанавливаемые буквы; {...} лигатура; // «конец строки» на углах креста (их 5); знаком Я передано йотированное А; знаки для букв наш и иже — современные, соответственно, Н и И.

свершения которой было Воплощение Сына Божия и Рождество, а триумфом — Его победа над смертью и Вознесение (т. е. события, знаменующие начало и конец земного пребывания). Такой состав находит близкую параллель в изображениях на серебряном кресте-ковчеге для домонгольского медного креста-энколпиона из Оружейной палаты), датированном концом XIV — началом XV в., с той разницей, что Вознесение и Благовещение поменялись местами, а образ одного Богоявления — Рождество — заменен другим, Крещением [Николаева, 1976. С. 71. Ил. 28]⁹.

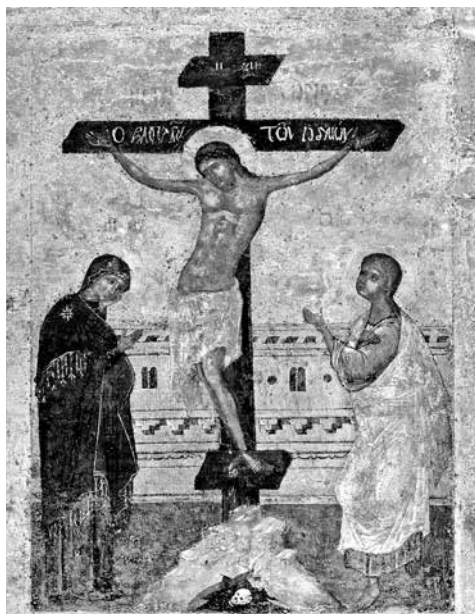
Иконография композиций, пропорциональный строй фигур и характер жестов в рельефах еще вполне тяготеют к архаичным средневизантийским формулам, что, вероятно, обусловлено довольно консервативными традициями резьбы по камню — в основном мелкой пластики, расцвет которой приходится в Новгороде на конец XIII — начало XIV в. [Луцко, 2010. С. 186–199]. Эти формулы оказались особенно живучими в искусстве, несомненно, имеющем сильные местные корни. Так, спрямленный силуэт фигуры архангела Гавриила в «Благовещении», резко завернутое дальше от зрителя крыло, умеренный шаг и внушительный благовествующий жест вызывают в памяти образы Спасо-Мирожской росписи. В чуть заметном наклоне вперед корпуса Марии, в прижатой к сердцу правой руке — просматривается схема фигуры Богородицы на датируемой XIII в. иконе «Благовещение» из собора Антониева монастыря, известной по архивной фотографии Н.П. Кондакова [см.: Шалина, 2019. С. 255. Ил. 5], с той разницей, что на иконе в левой руке, расположенной на лоне, изображено веретено; в рельефе же креста этот атрибут опущен, как опущены и другие второстепенные детали. Не менее узнаваема по памятникам комниновской традиции иконографическая формула «Рождества Христова», с фигурой Марии, полусидящей перед яслями с Младенцем, очерченной мягким контуром горки, с поколенно срезанными той же горкой фигурами славословящих ангелов¹⁰.

Ввиду технических сложностей, очевидных при резьбе по камню, состав персонажей намеренно минимизирован как в этой композиции, так и в остальных — что также характерно для произведений мелкой пластики. В «Сошествии во ад» фронтальную фигуру Христа с вертикально воздвигнутым крестом окружают лишь, по одну сторону, изводимый из ада Адам и стоящая за ним Ева, и, по другую, Давид, за которым следует святой в монашеской мантии, со свитком в руке, исходя из именования Иоанном и контекста сюжета идентифицируемый как Креститель¹¹. Схема «Сошествия во

9 Примечательно, что Вознесение как триумфальный образ, соотносимый с зоной горнего мира, обычно венчает и западноевропейские кресты с рельефными изображениями евангельских событий (как, например, на кресте в церкви Св. Марии zur Höhe в Зосте (Германия), около 1200 г.) [Преображенский, 2019. С. 358].

10 Ср., например, с росписями Спасо-Евфросиниевский собор в Полоцке, храма Гёреме в Каранлыке в Каппадокии.

11 Эту фигуру архиеп. Макарий (Миролубов) ошибочно идентифицировал как Исаяю [Макарий (Миролубов), 1861. С. 93].

2

3

4

ил.2 Распятие. Деталь иконы праздничного ряда Софийского собора. 1341 г. НГОМЗ

fig.2 Crucifixion. Detail of the icon of the festive row of St. Sophia Cathedral 1341. Novgorod State Museum-Reserve

ил.3 Распятие. Деталь рельефа Алексеевского креста. 1385/1386 г. Софийский собор в Великом Новгороде

fig.3 Crucifixion. Detail of the relief of the Alekseevsky Cross. 1385/1386 St. Sophia Cathedral in Veliky Novgorod

ил.4 Вознесение. Деталь иконы праздничного ряда Софийского собора. 1341 г. НГОМЗ

fig.4 Ascension. Detail of the icon of the festive row of St. Sophia Cathedral 1341. Novgorod State Museum-Reserve

ад» также тяготеет к характерным для XII–XIII вв., и в особенности имеет много общего с новгородской иконой конца XIII в. из коллекции банка «Интеза Санпаоло» [Pirovano, 2003. V.1. Cat.1], с которой рельефное изображение Давида роднит даже такая подробность, как головной убор. В верхний правый угол композиции, образуемый очертанием ветви креста, автор рельефа вписал нетрадиционную для иконографии такого типа фигуру ангела с вздетым крылом, которая составляет своеобразную пару левому ангелу, славословящему Рождество Христово, на противоположной ветви. Прием этот был использован мастером неоднократно: конец поднятого ангельского крыла, вписанный в угол той или иной композиции, согласуется с секирообразной формой ветвей. Умноженный таким образом ритм острых форм чередуется с ритмом нимбов, создающих упорядоченную систему малых кругов, в свою очередь, сочетающихся с окружностью, в которую вписан сам крест.

Предельно редуцирована и схема «Вознесения»¹², которое своей триумфальной фронтальной схемой служит надежным основанием общей композиции произведения: нижний регистр составляют лишь фигуры Богоматери-Оранты и фланкирующих ее первоапостолов, чьи позы и жесты чрезвычайно близки изображению на иконе из софийского Праздничного ряда 1341 г. [ил.4], а включенные в композицию дерева своими изгибающимися ритмами сообщают всей сцене необходимую ажитацию. Перекликаются с софийским Праздником и изображения ангелов, возносящих Христа: их фигурки с вздетыми заостренными крыльями — «ныряющие» в одном случае и парящие в другом — создают своего рода картуш, скобкообразно обрамляющий ореол со Спасителем.

Своеобразной репликой клейма софийских Праздников [ил.2] представляется и «Распятие» в среднике [ил.3]. Очевидно сходство в пропорциональном строе фигур предстоящих кресту, однако есть отличия в позах и жестах: на иконе акцентируется появившаяся в искусстве XIV в. (хотя и довольно редкая) тема диалога Христа с Иоанном, в котором Он поручает любимому ученику свою Мать (Ин.19:26–27), тогда как на рельефе Алексеевского креста оба предстоящих изображены со скорбно склоненными головами и прижатыми к лицу руками, в чем видится следование более раннему изводу¹³. Домонгольские и при том местные, истоки имеет такая деталь Алексеевского «Распятия», как косая балка подножия креста [Покровский, 2001. С.436].

¹² Реконструкция утраченной нижней ветви (см. примеч. 1) исполнена по фотографии И.Ф. Барщевского.

¹³ Ср., например, оклад Евангелия с распятием и апостолами, конца XIII — начала XIV в. в Протате на Афоне [Treasures of Mount Athos, 1997. Cat.9/19. P.341], или оборот процессионной иконы с изображением Распятия второй половины XIII в. из церкви Богородицы Перивлеты (Св. Климента) в Охриде [Georgievski, 1999. Cat.9. P.33–34] и икону из старообрядческой церкви Успения на Апухтинке в Москве, конца XIV — первой половины XV в. (ЦМИАР, инв. КП-2350). Об этом элементе иконографии см.: [Pallas, 1965. S.1–51].

Вместе с тем в рельефе уже вполне ощутимы признаки нового художественного видения: особое значение приобретает повышенный драматический накал поз и, в особенности, та дистанция между распятым Христом и предстоящими, которая обретает свойства пространственной эмоционально заряженной среды, окружающей и выделяющей образ Спасителя. Это подчеркивается и варьированием высоты рельефа, постепенно убывающей от центра к краям креста. По-новому, многослойно, выполнен торс Христа: при всей уплощенности, он имеет тенденцию отрыва от поверхности, что особенно заметно при взгляде сбоку, тогда как рельеф креста, на котором распят Спаситель, еле намечен. В более низком рельефе решены и почти все «дальние» персонажи других композиций. О новом понимании пространства говорит и такая деталь, как чуть заходящие на вертикальные валики-разгранки фигуры Евы в «Сошествии во ад» и ангела, указующего на Вифлеемскую звезду в «Рождестве». И хотя В.Н.Лазарев вслед за В.В.Стасовым называл резьбу Алексеевского креста «грубоватой работой», обнаруживающей руку «неискушенного мастера» [Лазарев, 1954. С. 230], — за попытками выделения нескольких как бы спрессованных пространственных планов, разреженностью композиций, гибкой нюансировкой рельефа и эмоциональной составляющей образов видится определенный артистизм и знакомство с византийскими образцами, правда, переработанные в духе местных традиций. Само рельефное изображение могучего торса Спасителя, с атлетическими плечами и анатомически обозначенным лоном, и, напротив, с истонченными и хрупкими конечностями, обладает качествами тонкоградуированной пластики. Вместе с тем детали действительно выдают некоторую «неискушенность» — в особенности упрощенно-наивные приемы изображения в профиль ступней ног различных персонажей — архангела Гавриила в «Благовещении», Адама в «Сошествии во ад» и др.

Нельзя исключить, что исходной моделью для резчика мог послужить некий наперсный крест, привезенный, например, новгородским архиепископом, в пластике которого были налицо признаки палеологовской трактовки объема. Однако, скорее, ориентиром для него были произведения живописные и, как справедливо заметила Э.С. Смирнова, возможно, некий эскиз будущего произведения для резчика знаменовал иконописец из числа мастеров архиерейского дома [Смирнова, 1976. С. 116]. В пользу этого говорит не только «иконная» структура изображений или следы раскраски композиционных клейм рельефа¹⁴, но и нацеленность на эмоциональный контакт со зрителем, предполагающая дистанцию, свойственную станковому производству, а также употребленный в «летописной» надписи на кресте словесный оборот «ПИСАНЬ БЫ КР(С)ТЬ СЕИ», как кажется, указывающий не только на сам факт его создания, но и на восприятие как на произведение живописное. Разреженность же композиций, в чем В.Г. Пуцко усмотрел признак работы

14 Эта раскраска возобновлялась неоднократно ввиду пребывания креста на фасаде, поэтому о ее первоначальном виде судить не представляется возможным без проведения специальных технико-технологических исследований.

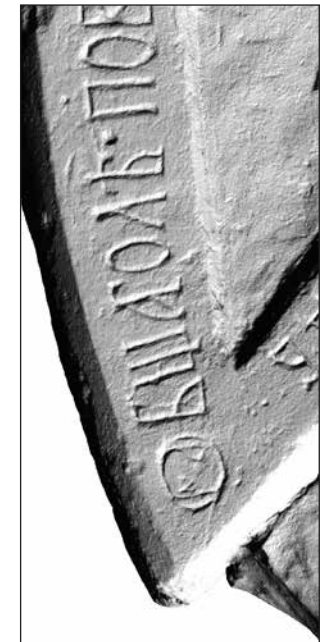
5

ил.5 Покров. Икона из Покровской церкви Зверина монастыря в Великом Новгороде 1399 г. НГОМЗ

fig.5 Intercession of the Virgin. An icon from the Intercession Church of the Zverin Monastery in Veliky Novgorod. 1399. Novgorod State Museum-Reserve

ил.6 Деталь надписи-«летописца» Алексеевского креста: ОБЩАГОЛЪ. 1385/1386 г. Софийский собор в Великом Новгороде

fig.6 Detail of the inscription-“chronicler” of the Alekseevsky Cross: ОБЩАГОЛЪ 1385/1386. St. Sophia Cathedral in Veliky Novgorod

6

мастера, специализировавшегося на выполнении маленьких каменных иконок, для которого крупный размер оказался непривычным [Пуцко, 1999/3. С. 35], представляется нам явлением, вполне характерным для новгородской живописи последних десятилетий XIV в. В особенности эта черта заметна в тех произведениях, где видно участие местных мастеров — достаточно вспомнить росписи церкви Феодора Стратилата на Ручью либо икону «Покров» из Зверина монастыря, 1399 г. [ил. 5]

С последней Алексеевский крест роднит регистровая упорядоченность фигур, выстраиваемых вокруг центрального образа, их чуть тяжеловесный пропорциональный строй, внушительный жест, интерпретируемые в духе старых местных традиций [Смирнова, 1976. С. 96, 99, 108], как и ряд иных образительных соответствий в трактовке фигур. Наконец, сближает их и необычайная иконописная интерпретация пластики в рельефах креста, в одном

случае, и почти рельефное внедрение графы, изображающей очертания и главы Вифлеемского храма, в чисто иконописное изображение — в другом. Стилистическое сходство ощутимо в усилении пространственных цезур, ритмичном чередовании спрямленных и скругленных линий, относительной легкости очертаний и некоторой дробности изображений.

Наличие довольно длинных надписей на Алексеевском кресте, которые не просто информационны, но становятся частью художественной композиции, также вполне соотносится с русской (и в особенности с новгородской) традицией иконописи и монументальной живописи, вводящей развернутые пояснения в сюжетные изображения — будь то клеймо житийной иконы или фресковая сцена (как, например, в росписях Волотова или Феодора Стратилата на Ручью), и тогда сама живопись в какой-то мере становится изобразительным комментарием к тексту.

Как кажется, в рельефах Алексеевского креста нашла отражение та стадия местной живописной традиции и усвоения ею наследия палеологовского искусства, которая позволяет присоединиться к датировке 1380-ми гг., предложенной Т.В. Николаевой на основании изучения эпиграфических особенностей надписи на кресте и иконографических сопоставлений с произведениями мелкой пластики [Николаева, 1984. С. 91]¹⁵. В то же время выдвинутая этим исследователем гипотеза о создании креста в связи с подготовкой к Куликовской битве представляется весьма малоубедительной, как и предложенное А.А. Туриловым истолкование упомянутого «темного» места в надписи на кресте исходя из неточного, как выяснилось, прочтения как «ОВЩАГО» лета («овчаго», т. е. «овечьего», в соответствии с восточным календарем, с которым были знакомы и на Руси золотоордынского периода) [Турилов, 2007. С. 571–580] [ил. 6]. Вместе с тем все исследователи сходятся в том, что крест был «задуман как святыня общегородского, государственного значения» [Преображенский, 2019. С. 541] и «находился у новгородцев в особом уважении» [Макарий (Миролюбов), 1861. С. 93]. К настоящему моменту появилась возможность это значение конкретизировать, уяснив повод создания креста на основе осмысления специфической его топографии на фасаде Софийского собора, а также предложенной М.В. Бобрик новой интерпретации «темного» места в «летописной» надписи.

Близкие по форме кресты в круге, вытесанные из известняка (правда, без фигуративных изображений), стали распространенным элементом оформления фасадов новгородских церквей XIV–XVI вв., наряду с крестами иных форм, но количественно явно превосходя их [Фомина, 2016. С. 134]¹⁶.

- 15 По стилистическим чертам Г.К. Вагнер отнес исполнение креста к последней четверти XIV в. [Вагнер, 1980. С. 139].
- 16 Основной их перечень в новгородских церквях: [Шляпкин, 1906. С. 65–66]; всего же в Новгороде и области насчитывается около 120 закладных крестов в круге. Наиболее старыми из них (рубежа XIII–XIV вв.) считаются кресты с ножкой [Рыбаков, 1964. С. 45–46, № 53; Черепнин, 1956. С. 154, 244, 252; Красноречьев, 2014. С. 237].

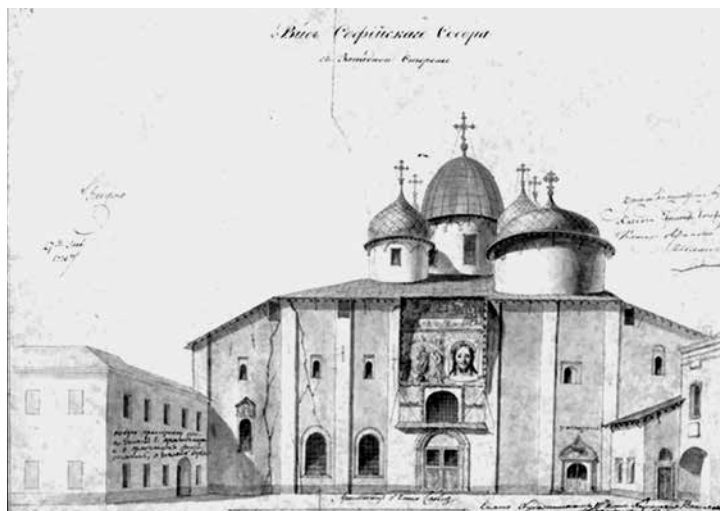
Почти все новгородские церкви XIV — начала XV в. имеют на фасадах кресты такого рода, заложенные одновременно с их постройкой. Но в тот же период закладывались кресты и на более ранних храмах, которые их раньше не имели [Красноречьев, 2014. С. 216], и в этом отношении устройство Алексеевского креста на фасаде Софийского собора вполне отвечало духу времени.

Закладные кресты едва ли правомерно рассматривать как заранее задуманные элементы храмовой декорации [Шляпкин, 1906. С. 81]: как правило, в их размещении не наблюдается отработанной системы и лишь изредка намечается тяготение к симметрии¹⁷. То обстоятельство, что кресты в круге, относительно крупных размеров, находятся исключительно на уровне человеческого роста, служит прямым свидетельством того, что они были поклонными и создавали перед собой своеобразную сакральную зону [Преображенский, 2019. С. 533]. Подобным же образом и Алексеевский крест функционировал как самостоятельный объект поклонения, связанный с кафедральным храмом фактом принадлежности архиерейскому заказу и в силу особой причины (о чем будет сказано далее) обращенный к архиерейскому двору.

О том, что этот крест был объектом поклонения, помимо значащейся на нем надписи **И ПОСТАВЛЕНЪ НА ПОКЛОНЕНИЕ ПРАВОВЪРНЫМЪ // ХРСТЬЯНОМЪ**, существовало и другое свидетельство — специальная лампада из числа висевших некогда перед крестом. По ее обручу значилась надпись: «Лѣта 7064 (1566) поставилъ сію свѣчю Павелъ Юрьевъ сынъ Гречинъ родомъ изъ Кесаріи, а нынѣ живеть въ Царѣградѣ, при архіепископѣ Пиминѣ» [Макарий (Миролюбов), 1861. С. 93–94]. Традиция особого почитания креста сохранялась и позднее: на архитектурном рисунке западного фасада, сделанном Н. Васильевым до 1830 г., виден закрывающий нишу с крестом резной киот с витыми колонками, двустворчатой дверью и характерным для XVII в. килевидным карнизом [Лепшина, 2018. С. 27.] [ил. 7]. Вероятно, тогда же — в конце XVII в. — поновлялась роспись креста: о том свидетельствуют следы характерного для этого времени золочения, обнаруженные в процессе реставрации на его поверхности¹⁸.

Примечательно, что крест установили не вблизи западного портала, который, надо полагать, некоторое время спустя украсили Магдебургские врата, но на значительном расстоянии, через прясло, ближе к юго-западному углу, что говорит о его самостоятельном значении и, вероятно, о каком-то специальном предназначении. О каком именно? Материал для размышлений, как кажется, дает факт устройства в непосредственной близости несколько

- 17 По наблюдению А.В. Фоминой, внутри одной стеновой поверхности кресты обычно тяготеют к порталам и окнам, располагаясь в центре прясла [Фомина, 2016. С. 132].
- 18 Реставрационный паспорт ГЦХРМ № 1088 СК, 1958 г. Л. 3: «Под верхним красочным слоем на крыльях и ореалах обнаружено золото (исследование и реставрация проводились под руководством Н.Н. Померанцева).

7

8

ил.7 Н. Васильев. Вид Софийского собора с западной стороны. 1830 г. Бумага; тушь, акварель, позолота. Коллекция Музея Академии художеств, Санкт-Петербург

fig.7 N. Vasiliev. View of St. Sophia Cathedral from the west side. 1830. Paper; ink, watercolor, gilding. Collection of the Museum of the Academy of Arts, St. Petersburg

ил.8 Придел Свв. Гурия, Самона и Авива. 1411 и 1459 гг. Софийский собор в Великом Новгороде

fig.8 The Chapel of St. Gurij, Samon and Aviv. 1411 and 1459. St. Sophia Cathedral in Veliky Novgorod

позже — в 1411 г. — придела святых исповедников Гурия и Самона и Авива-диакона.

Придел этот изначально рассматривался как самостоятельная, с отдельным входом, каменная церковь¹⁹, примыкающая к юго-западному углу собора [ил.8], которая дала название «Исповедническим» воротам, ведущим из кремля на территорию владычного двора. Строительство этой церкви было связано, по одним летописям, со знамением «о сосудех церковных» [ПСРЛ. Т.42. С.173], а по другим спискам — о «судех церковных» [НЛ, 1879. С.253; ПСРЛ. Т.4, ч.1. С.410; ПСРЛ. Т.16. Стб.159], которое «сотворилось» в 1410 г., месяца декабря в 21 день, в новгородском Софийском соборе от иконы святых Гурия, Самона и Авива. Вероятно, оба варианта прочтения летописного сообщения подразумевали именно «сосуды церковные» («суд» — вариант «сосуд») ²⁰, а следовательно, знамение, вероятно, состояло в том, что похитители *сосудов* церковных были каким-то чудесным образом обличены от иконы святых исповедников и сознались в хищении. Икона святых Гурия, Самона и Авива действительно существовала в Софийском соборе и, вероятно, была древней²¹: сохранилось граффито, с упоминанием имен этих исповедников, датируемое концом XI — началом XII в.²²

В почитании этих мучеников особо отмечается свершаемое по молитвам к ним справедливое воздаяние за ложную клятву и клятвопреступление [Полный годичный круг кратких поучений, 1897. Кн.6, Поучение 25, 26. Месяц Ноябрь. Пятнадцатый день. Поучение 2-е. Святые мученики Гурий, Самон и Авив], чем и объясняется упомянутое знамение и последовавшее затем посвящение придельного храма. Для нас же важно в связи с этим одно постановление, принадлежащее архиепископу Иоанну II (на кафедре 1388–1415), устанавливавшее для новгородцев по образцу греческой церкви испытание освященным

19 «В лето 6919/1411... постави владыка Иоанъ чудотворную церковь камену святыхъ Исповедникъ Гурия, Самона и Авива» [ПСРЛ. Т.4, ч.1. 2000. С.411; Т.16. 2000(1889). Стб.160].

20 См.: [Срезневский, 1989. С.602]. Благодарю А.А. Гиппиуса, разъяснившего мне специфику этого прочтения.

21 О «ветхом» образе свв. Гурия, Самона и Авива «в ширину и высоту 1 аршин и 6 вершков», находившемся в приделе во имя этих святых, «на южной стороне», упоминается в соборных описях до начала XX в. [Макарий (Миротлюбков), 1860. Ч.1. С.47–48, 62; Ч.2. С.64–65, 156, 157; Описи имущества новгородского Софийского собора XVIII–нач. XIX в. Новгород, 1993. Вып.3. С.29; Описи имущества Софийского собора 1833 г., 2003. С.512, 538–539; Описание Новгородского Софийского собора, 1858. С.85; Конкордин, 1901. С.32–33; Смирнова, Лаурина, Гордиенко, 1982. С.21]. Икона была утрачена во время Второй мировой войны.

22 Надпись (в переводе: «Святая Богородица, помози ми грешному, припадающему к Тебе под кров твои святыи Гурии, Самоне... и Авив») находилась на стене ризницы, к которой с запада был пристроен придел Свв. Гурия Самона и Авива [Медынцева, 1978. С.175, №250. Ил.160; С.302] (предложена датировка концом XIII — началом XIV в.). С.М. Михеев уточнил прочтение и датировку надписи, отнес ее к концу XI — началу XII в. [Алексеева, 2021. С.237, примеч.3]. Приношу сердечную благодарность А.А. Гиппиусу, указавшему мне на эту статью.

хлебом для избличения воров²³. Состояло это постановление из «Благословения архиепископа Новгородского Иоанна к христианам Святой Софии» и «Указа о проскурнисании св. трем исповедникам: Гурию, Самону и Авиву»²⁴. В этом постановлении новгородцам возбранялось по случаю великой и малой пропажи ходить ко кресту (!) («... слышу zde, што у вас о великой гибели и о малой ходить к кресту; ино то деете не по Божию закону»), а вместо того предписывалось обращаться к чудотворной иконе святых Гурия, Самона и Авива, поставленной в специально выстроенной по этому случаю церкви во имя этих исповедников²⁵ («а што ходите к кресту, ино то в вас отнимаем; но ходите к знамени Божиих святых исповедник»). То есть в связи с чудом архиепископ Иоанн установил в Новгороде разновидность «Божьего суда», призванного заменить клятву у креста («роту» [Рота, 1899. Т. XXVII. С. 151–152]), что осуждалась Церковью, специальным церковным обрядом²⁶.

Вполне возможно, что под «хождением ко кресту» архиепископ Иоанн имел в виду и крестоцелование как таковое, но в Новгороде известен также описанный знатоком новгородской старины архиепископом Макарием (Миролюбовым) обычай, имевший отношение к Чудному (Черному) кресту,

- 23 Текст чинопоследования данного испытания содержится в греческих Типиконах, однако отсутствуют документы, формально когда-либо устанавливавшие данную форму церковного испытания [Алмазов, 1904. С. 6, 7]. Примечательно, что в Церкви Западной также совершался так называемый суд Божий для установления виновных — *iudicium per sanctam Eucharistiam* [суд посредством святой Евхаристии (лат.)] и *iudicium panis et casei* [суд хлебом и сыром (лат.)] [Макарий (Булгаков), 1995. Кн. 3. С. 457]. Детальное текстологическое исследование дошедшего списка постановления Новгородского архиепископа Иоанна см.: [Алексеева, 2021. С. 230–261].
- 24 Оба текста дошли до нас в новгородско-софийском служебнике начала XVI в. (РНБ. СПбДА. Соф. 836, Служебник с требником. 1514. Л. 114–116), по которому они и были впервые опубликованы митр. Макарием (Булгаковым) и кратко прокомментированы [Макарий (Булгаков), 1995. Кн. 3. С. 457; РИБ. Т. 6. 1888. Стб. 305–308, № 36].
- 25 Эта церковь называется в летописях «чудотворной» [ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. 2000. С. 411; Новгородская первая летопись старшего и младшего извода, 1950. С. 403], «в неихже створяются велиа чюдеса и бесчислена христианом» [ПСРЛ. Т. 42. 2002. С. 173].
- 26 В «Указе о проскурнисании...» были записаны молитвы и действия на проскомидии при совершении «Божьего суда». В дополнение к просфорам, на которых служилась литургия, должна была быть использована особая просфора в форме 4-конечного креста. Из нее с чтением особых молитв («Святые Божии Исповедники, Гурие и Самне и Авиве диаконе! Как некогда милосердием Божиим вы возвратили девицу в град свой Едес, так и ныне чюдо свое сотворите к вам с верою приходящим, гибельником помозите, виноватых обличите, гортани шокдникам затворити») вынимались четыре части («хлебци»); при изъятии четвертой части полагалось поминать имена тех, которым будут предложены вынутые части в пищу во избличение виновных: «Священник, служа святую литургию, напишет имя Божие на хлебце (просфоре) и раздаст это всем, приходящим к имени Божию; кто съест хлебца с именем Божиим, тот окажется прав, а кто не съест хлебца, тот по Божию суду виноват будет; кто же не пойдет к хлебцу, тот без суда Божия и мирского виноват будет... А вы, священники, кроме хлеба Божия, к присяге не допускайте и нашего слова не слушайте» [Конкордин, 1901. С. 33; Алмазов, 1904. С. 64; Печников, 2010. С. 454–461].

стоявшему при входе на волховский мост²⁷: обычай этот заключался в испытании у этого креста клянувшихся водой из Волхова, которая, подобно ветхозаветной воде избличения (Числ. 5:16–27), якобы немедленно оказывала над виновным «действие смертное», а наименование Чудного креста *черным*, встречающееся в некоторых летописях и в Чиновнике Софийского собора, возникло, вероятно, в отличие от креста *белого*, каким был, по предположению Макария, крест Алексеевский [Макарий (Миролюбов), 1861. С. 88–89]. Иными словами, не в подобной ли роли — исповеднического креста — еще ранее выступал наш крест, заменявший собой, таким образом, суд — без посредничества и контроля духовенства? В связи с этим нелишне вспомнить, что остатки стригольнической ереси, отрицавшей церковную иерархию, еще не были искоренены к этому времени в Пскове и были памятны в Новгороде, следствием чего могла быть столь напряженная реакция новгородского архиерея на хождение мирян ко кресту минуя священство²⁸. В таком случае устройство вскоре тут же, в непосредственной близости, специальной придельной церкви служило объяснимым альтернативным средством борьбы архиепископа Иоанна с мирским обычаем, противным «Божию закону» («... А вы, попове, опроче хлеба Божия, к роте не пуцайте...») ²⁹.

Вместе с тем, если наше предположение о такой связи между Алексеевским крестом и созданием придела во имя святых исповедников справедливо, то есть основания полагать, что связь эта имела более масштабную историческую подоплеку. Речь идет о праве апелляционного архиерейского суда, тяжба за которое между Новгородом и Москвой тянулась не одно десятилетие и заняла существенное место в новгородских летописях.

В 1385 г. новгородцы, как известно, отказали Киевскому (в Москве) митрополиту Пимену в праве суда, которое было единственным ограничением автономии Новгородской епархии и, кроме того, весьма чувствительно затрагивало денежные интересы новгородцев³⁰, и все как один поклялись на вече более не обращаться к суду митрополита³¹. Попытки возглавившего вскоре

- 27 Черный (Чудный) крест был установлен не позднее 1499 г. [Филиппова, 2007. С. 36–38, 43–44; Трифонова, 2010. С. 55].
- 28 Стригольничество в понимании Н. С. Тихонравова — прежде всего покаянное движение, ищущее исповеди нетрадиционной, внецерковной [Тихонравов, 1898. С. 212–216].
- 29 Обычай «Божия суда» перед иконой свв. Гурия, Самона и Авива в Новгороде был частным распоряжением архиепископа Иоанна и, по-видимому, не имел там длительного приращения [Макарий (Булгаков), 1995. Т. 3. С. 411].
- 30 Право месячного суда состояло в том, что раз в четыре года в продолжение месяца в великий пост митрополит или его представитель в Новгороде рассматривал судебные дела и тяжбы новгородцев, в которых миряне подлежали суду Церкви, кроме того, в Москве митрополит принимал апелляции на суд Новгородского архиепископа; все сборы и штрафы по таким делам шли в митрополичью казну [Голубинский, 1997. С. 310–311].
- 31 «1385/1386: ... А той зимы бысть целование в великий пост по Сборе на другой недели: целоваша крест Фуодор посадник Тимофеевич, тысяцкий Богдан Обакунович, на вечи на княжи дворе, и вси бояре, и дети боярские, и житьи и ернии люди, и вся пять концов, что не зватися к митрополиту, судити владыке Алексию в правду по Манакануну...» [ПСРЛ. Т. 4, ч. 4, 5. 2000, С. 92. Подробнее см.: Голубинский, 1997. С. 306–319].

московскую кафедру митрополита Киприана вернуть право суда терпели неудачу. В решение данного вопроса новгородцами был вовлечен даже царьградский патриарх³², поддержавший, однако, московского митрополита присланной новгородцам грамотой — но и такое вмешательство не подействовало. Согласно Устюжской летописи, именно за непредоставление митрополиту месячного суда в 1401 г. Киприан «по великого князя слову владыку поимал да посадил за сторожи в Чудовском монастыре за *мисечной суд, что не дали*», где Иоанн «в смиреннии» пробыл более трех лет [ПСРЛ. Т.37. С.39, 81]³³. Вопрос о суде регулярно поднимался и позднее, при митрополите Фотии и, по-видимому, окончательно был решен лишь с присоединением Новгорода к Москве³⁴.

Отказывая в месячном суде митрополиту Киприану, новгородцы, как известно из летописей, ссылались на общую присягу: «...целовали есмь крест вси за един не зватися нам к митрополиту на суд, а грамоты пописали и по печатали и душу запечатали» [ПСРЛ. Т.8. С.62; ПСРЛ. Т.27. С.257]. Более того, согласно греческим актам, на которые ссылается Е.Е. Голубинский, новгородцы даже приговорили убивать или предавать смертной казни тех, кто бы захотел эту клятву нарушить [Голубинский, 1997. С.315, примеч.3]. В такой обстановке создание Алексеевского креста и его утверждение на обращенном к архиерейскому двору фасаде кафедрального храма могло служить живым напоминанием о крестной присяге, — выражаясь фигурально, той печатью³⁵, которой зимой 1385/1386 гг. «запечатали душу» новгородцы в верности суду их владыки.

В пользу этой версии, как кажется, служит новое истолкование упомянутого «темного» словосочетания **ОБЩАГОЛЪ** в надписи на кресте, недавно предложенное М.В. Бобрик как русский эквивалент известного термина средневековой хронологии *annus communis* — «обычный год» (т.е. не висо-

32 «Послы новгородские, ходившие по нашему делу к патриарху константинопольскому, говорили ему, как передает он сам в одном из посланий к ним (Новгородцам): οὐδὲν ἐθέλομεν, ἵνα κρινόμεθα εἰς τὸν μητροπολίτην, ἀπὴ ὀταμηνίου ἵσθητον ἐπίσκοπον ἡμῶν, καὶ ὑπάρχει (не хотим судиться у митрополита, ни того, чтобы, когда он позовет к себе нашего епископа, епископ ходил к нему); от себя патриарх укоряет Новгородцев, что они не хотят судиться у митрополита и не хотят оказывать ему повиновения по старому обычаю (ὑποταγήν ἀλονέμεν κατὰ τὴν ἀρχαίαν συνήθειαν)» [Голубинский, 1997. С.30].

33 Ту же причину ареста новгородского владыки видел и Е.Е. Голубинский [Голубинский, 1997. С.318–319].

34 В 1478 г. новгородцы предлагали вел. кн. Иоанну Васильевичу приезжать к ним для управы в больших судных делах через три года на четвертый и за это вызывались платить ему по тысяче рублей [Софийский временник, 1820–1821. Т. II. С.182; Голубинский, 1997. С.311, примеч.1].

35 Тема креста как печати неоднократно звучит в богословских сочинениях: «Он [крест. — Т.Ц.] — печать, для того чтобы не коснулся нас Истребляющий, как говорит Писание» [Св. Иоанн Дамаскин, 1894. Кн. IV, гл. 11. С.214–215]. Это учение развивает Григорий Палама: «Не только понятие Креста и тайна, но и самое знамение его — божественно и достопоклоняемо, будучи священной и честной Печатью, освящающей и совершающей данные от Бога человеческому роду вышеестественные и неизреченные блага, отъемлющей проклятие и осуждение, уничтожающей тление и смерть, доставляющей вечную жизнь и благословение...» [Св. Григорий Палама, 1994. Т.1. С.118].

косный). О «високосных» (а стало быть, и «обычных», «общих») годах новгородцы имели вполне устойчивое представление: указания на високосность лет содержатся в некоторых древнерусских рукописях, например, в сочинении Кирика Новгородского «Учение имже ведати человеку числа всех лет», а также в записи Сийского Евангелия (Л. 216) [Бобрик, 2018. С.116–117 и далее]. Поскольку в надписи на кресте этот термин следует за датой от сотворения мира, по резонному мнению автора исследования, велика вероятность, что в данном случае помещено указание на то, что год был невисокосным в смысле солнечного года. При этом резюмируется, что «такого рода указание могло быть сделано только в том случае, если для составителя надписи указание на високосность/невисокосность в принципе входило в формуляр сообщения или было почему-либо важно» [Там же. С.117].

Почему именно такое указание могло быть столь важно для создателей креста, некоторые основания для понимания, как кажется, можем найти в периодичности сроков месячного суда (судебных сессий), которые происходили обычно через три года на четвертый в великий пост, когда либо митрополит, либо — чаще — его представители приезжали в Новгород [Голубинский, 1997. С.310, 311, примеч.1, со ссылкой на Памятники Павлова, col.255 sub. Fin]. В контексте указанных событий, т.е. отказа от таких «сессий», на наш взгляд, отметка **ОБЩАГОЛЪ** могла иметь значение, если год отказа от суда был как раз «общим летом». Если учесть те обстоятельства, что митрополит Киприан требовал от новгородцев суда, приезжая в Новгород в великий пост 1392 (мартовского 1391) и 1396 (мартовского 1395) гг.³⁶ — т.е. в годы, которые были «високосными», то требование суда митрополитом Пименом пришлось на «общий» 1386 г. (мартовский 1385-й) (симптоматично при этом, что клятва новгородцев была принесена также в Великий пост). Таким образом, намерение Пимена пало на время, неурочное для суда. Побудить же его к попытке получить от новгородцев «месячный» суд раньше срока (который, надо полагать, должен был наступить в 1387 г.), могла острая потребность в деньгах. Как известно, таковая возникла в связи с предстоявшим в мае того же года визитом в Константинополь [Голубинский, 1997. С.313–314], но не могла быть удовлетворена за счет Москвы, еще не оправившейся от нашествия Тохтамыша. Последовал в Новгород неурочный запрос на суд от этого еще не утвержденного Царьградом митрополита, и новгородцы, по всей вероятности, посчитали это незаконным и использовали как повод, чтобы «раз и навсегда» избавиться от такого рода зависимости.

Если наши рассуждения верны, то крест, таким образом, был изготовлен в год после принесения новгородцами «всеми как один» роте, освобождавшей их от митрополичьего суда, т.е. в 1385/1386 г., в напоминание об этом знаковом событии, и, по-видимому, в дальнейшем и сам становился

36 Соотнесение летописных дат по мартовскому году с юлианским календарем, по которому шло вычисление високосных лет [Бережков, 1963. С.293]. Приношу благодарность И.Ю. Анкудинову, проконсультировавшему меня по этому вопросу.

свидетелем и гарантом клятв перед ним, что и побудило владыку Иоанна спустя время устроить рядом церковь святых исповедников Гурия, Самона и Авива, дабы уберечь паству от действий, которые уже выходили за рамки «Божия закона»³⁷.

- 37 Не исключено, что обычай этот укоренился как раз в годы отсутствия владыки Иоанна, который, как упоминалось, был заключен под стражу в Москве (с 1401 по 1404 г.).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева А.С. Изобличение вора на Руси: от постановления Новгородского архиепископа Иоанна III до низовой рукописной книжности // *Slovēne*. 2021. Вып. 10. № 1. С. 230–261.
- Алмазов А.И. Испытание освященным хлебом (Вид «Божьего суда» для обличения воров). Одесса: Экономическая типография, 1904. 26 с.
- Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 376 с.
- Бобрин М.А. Возвращаясь к надписи на Алексеевском кресте: что значит ОБЩЕЕ ЛЬТО? // *Русский язык в научном освещении*. 2018. № 2 (36). С. 111–122.
- Вагнер Г.К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV веков. М.: Искусство, 1980. 267 с.
- Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. II: Период второй, Московский. 1-я пол. тома. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1997. 919 с.
- Григорий Палама. Беседы. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. 1. 260 с.
- Иоанн Дамаскин, св. Точное изложение православной веры. Ростов-н-Д.: Братство Святого Алексия, Изд-во «Приазовский край», 1992 (репр. переизд.: СПб., 1894). 465 с.
- Конкордин А. Описание новгородского кафедрального Софийского собора. Новгород: Губернская тип., 1901. 142 с.
- Красноречьев Л.Г. Вкладные кресты церкви Рождества Богородицы на Молоткове в г. Новгороде // *Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация*. Вып. 5. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2014. С. 219–248.
- Красноречьев Л.Г. Краткий обзор новгородских вкладных крестов // *Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация*. Вып. 5. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2014. С. 216–219.
- Лазарев В.Н. Живопись и скульптура Новгорода // *История русского искусства*. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 72–283.
- Лепшина Л.А. Алексеевский крест: история в лицах и фотографиях // *София*. 2018. № 2. С. 25–32.
- Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 690 с.
- Макарий (Миролюбов), архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. В 2 т. М.: Тип. В. Готье, 1860. Ч. 1. [Древние церкви в Новгороде и его окрестностях]. 645 с. Ч. 2. [Памятники древностей в новгородских церквах]. 358 с.
- Макарий (Миролюбов), архиеп. Древние кресты в Новгороде, поставленные на поклонение // *Известия Императорского Археологического общества*. Т. II. СПб., 1861. С. 84–102.
- Медынцева А.А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. XI–XIV века. М.: Прогресс, 1978. 311 с.

- Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976. 288 с.
- Николаева Т.В. Победный крест XIV в. // *Древнерусское искусство: XIV–XV вв.* М.: Наука, 1984. С. 86–93.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- НЛ — Новгородские летописи (Так называемая Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1879. 488 с.
- Описание Новгородского Софийского собора, составленное протоиереем Петром Соловьевым. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1858. 243 с.
- Описи имущества новгородского Софийского собора XVIII — нач. XIX в. Новгород, 1993. Вып. 3 / Сост. Э.А. Гордиенко, Г.К. Маркина. М., Л.: Ин-т истории СССР, 1988. 227 с.
- Описи имущества Софийского собора 1833 г. / Сост. Э.А. Гордиенко, Г.К. Маркина // *Новгородский исторический сборник*. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 507–644.
- Памятники древнерусского канонического права / Ред. А.С. Павлов. 2-е изд. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Ч. 1: Памятники XI–XV вв. 1466 с.
- Панченко В.Б. К вопросу о классификации каменных крестов по формальным признакам: восьмой тип по И.А. Шляпкину и проблема исследования крестов «в круге» // *В камне и бронзе*. Сб. ст. в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. СПб.: ИИМК РАН, ООО «Невская Книжная Типография», 2017. С. 407–413.
- Печников М.В. Иоанн (Стухин; † 24.06.1417), архиеп. Новгородский // *ПЭ*. Т. 23. М., 2010. С. 454–461.
- Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 564 с.
- ПСРЛ. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М.: ЯРК, 2000. 728 с.
- ПСРЛ. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 302 с.
- ПСРЛ. Т. 16: Летописный сборник, летопись Авраамки. М.: ЯРК, 2000. 240 с.
- ПСРЛ. Т. 27: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л., 1962. 428 с.
- ПСРЛ. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI — XVIII вв. / Сост. Н.А. Казакова, К.Н. Сербина. Л.: Наука, 1982. 228 с.
- ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 221 с.
- Полный годичный круг кратких поучений, составленных на каждый день года применительно к житиям святых, праздникам и др. свящ. событиям воспоминаемым церковью и приспособленных к живому проповедническому слову (импровизации): в 2 т. / Сост. Григорий Дьяченко. 2-е изд. М.: Изд. А.Д. Ступина, 1896–1897. Т. I: первое полугодие (330 поучений). 1896. XLVIII, 548 с.; Т. II: Второе полугодие (375 поучений). 1897. XXXII, 795 с.
- Постникова-Лосева М.М. Русское ювелирное искусство: Его центры и мастера XVI–XIX вв. М.: Наука, 1974. 376 с.
- Преображенский А.С. Прикладное искусство // *История русского искусства*. Т. IV: Искусство середины XIII — середины XIV века / Отв. ред. Э.С. Смирнова. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2019. С. 465–655.
- Пуцко В.Г. Новгородские каменные кресты с рельефом // *София*. 1999. № 3. С. 34–36.
- Пуцко В.Г. Средневековые мастера новгородской каменной резьбы малых форм // *Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран*. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. II. С. 186–199.
- Рота в древнерусском процессе // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т. XXVII. СПб., 1899. С. 151–152.
- РИБ — Русская историческая библиотека, изданная Императорской Археологической комиссией. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук. Т. 6. 1880. 682 с.

- Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-44. М.: Наука, 1964. 48 с.
- Смирнова Э. С. Живопись Великого Новгорода. XIII – начало XV века. М.: Наука, 1976. 392 с.
- Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М.: Наука, 1982. 576 с.
- Соленикова Е. В. Закладные кресты в архитектуре Северо-Запада России. Научные доклады. СПб.: Языковой центр, 1996. 24 с.
- Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год / Изд. П. М. Строев. М.: Тип. Семена Селивановского, 1820–1821. Т. II. 495 с.
- Спицин А. А. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // Записки отдела русской и славянской археологии имп. Русского Археологического общества. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. Т. V. Вып. 1. С. 203–234.
- Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка (репр. изд.). Т. III, ч. 1: Р – С. М.: Книга, 1989. 910 стб.
- Тихонравов Н. С. Отреченные книги древней России // Собр. соч. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1898. Т. 1: Древняя русская литература. С. 212–216.
- Трифонов А. Н. Деревянная пластика Великого Новгорода XIV–XVII веков. М.: Северный паломник, 2010. 158 с.
- Турилов А. А. О времени создания новгородского Алексеевского креста: возможности непалеографической датировки (1367 или 1379 г.) // От Царьграда до Белого моря: Сб. ст. по средневековому искусству в честь Э. С. Смирновой. М.: Северный паломник, 2007. С. 571–580.
- Филиппова Л. А. Великий мост в истории средневекового Новгорода // Новгородский архивный вестник. Вып. 6. Великий Новгород, 2007. С. 33–47.
- Фомина А. В. Общая характеристика новгородских закладных каменных крестов // Ежегодник НГОМЗ 2014. Великий Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 2016. С. 129–135.
- Черепнин Л. В. Русская палеография. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. 616 с.
- Шалина И. А. Произведения иконописи Рождественского собора Антониева монастыря // Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Великом Новгороде. К 900-летию основания. Великий Новгород, 2019. С. 249–351.
- Шахнович М. М., Бельский С. В. «Новгородские» каменные кресты Западного Приладожья // Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 2. Эпоха бронзы – позднее средневековье. СПб., 2009. С. 176–185.
- Шляпкин И. А. Древние русские кресты. 1: Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы // Записки отдела русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. 7. Вып. 2. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1907. С. 49–84.
- Georgievski M. Icon Gallery. Ohrid: Institute for Protection of the Monuments of Culture and National Museum-Ohrid. Ohrid, DOO "Kosta Abras – Grafopak", 1999. 111 p.
- Icone russe Collezione Banca Intesa. Catalogo ragionato / Ed. be K. Pirovano. Milano, Electa, 2003. Vol. 1. 288 p.
- Treasures of Mount Athos. B' edition / Ed. by A. Karakatsanis. Thessaloniki, Ministry of Culture, Museum of Byzantine Culture, 1997. 695 p.
- Pallas D. I. Passin und Bestattung Christi in Byzanz. Der Ritus – das Bild. Munich, 1965. 340 p.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Алексеевский крест как художественный феномен, обстоятельства его создания и место в жизни Новгорода

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Царевская Татьяна Юрьевна — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., д. 5, Москва, Российская Федерация, 125009. tsarevskaya_t@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Каменный крест, созданный при новгородском архиепископе Алексии (1359–1388) и установленный его повелением на западном фасаде Софийского собора, уникален не только из-за высокого качества резьбы высеченных на нем композиций или своей удивительной сохранности, но в силу действительной редкости такого изделия в виде и технике для искусства Древней Руси и особой значимости в жизни новгородцев. В статье рассматриваются художественные и иконографические особенности произведения, а также вероятные обстоятельства его появления в связи с клятвой новгородцев на вече, скрепившей их отказ в 1385 г. Киевскому (в Москве) митрополиту в праве апелляционного («месячного») суда, которое было единственным ограничением автономии Новгородской епархии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Древнерусское искусство, каменная резьба, Великий Новгород, Софийский собор, митрополит Киприан, новгородский архиепископ Иоанн III, иконография, история русской церкви.

TITLE

The Alekseevsky Cross as an artistic phenomenon, the circumstances of its creation and its place in the life of Novgorod

AUTHOR

Tsarevskaya, Tatiana Iurievna — Full Doctor, Leading researcher, State Institute for Art Studies, Kozitsky pereulok, 5, 125009 Moscow, Russian Federation. tsarevskaya_t@mail.ru

ABSTRACT

The stone cross, created under Archbishop Alexy of Novgorod (1359–1388) and installed by his command on the western facade of St. Sophia Cathedral, is unique not only because of the high quality of the carvings of the compositions carved on it or its amazing preservation, but because of the real rarity of such a product in the form and technique for the art of Ancient Russia and its special significance in life of the medieval Novgorodians. The article examines the artistic and iconographic features of the work, as well as the probable circumstances of its appearance in connection with the oath of the Novgorodians at the Veche, which sealed their refusal in 1385 to the Metropolitan of Kiev (in Moscow) in the right of the court of appeal (“monthly”), which was the only restriction on the autonomy of the Novgorod diocese.

KEYWORDS

Old Russian art, stone carving, Veliky Novgorod, St. Sophia Cathedral, Metropolitan Cyprian, Archbishop John III of Novgorod, iconography, history of the Russian Church.

REFERENCES

- Alekseeva A.S. Exposing a thief in Russia: from the decree of the Novgorod Archbishop John III to the grassroots handwritten bookishness. *Slověne*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 230–261 (in Russian).
- Almazov A.I. *Ispytanie osviashchennym khlebom (Vid "Bozh'ego suda" dlia oblicheniia vorov) (Ordeal with consecrated bread (A kind of "God's judgment" to convict thieves))*. Odessa, Ekonomicheskaja tipografija Publ., 1904. 26 p. (in Russian).
- Berezhkov N.G. *Khronologija russkogo letopisaniia (Chronology of the Russian chronicle)*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1963. 376 p. (in Russian).
- Bobrik M.A. Returning to the inscription on the Alekseevsky Cross: What does the COMMON LETTER mean? *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii (The Russian language in scientific coverage)*, 2018, no. 2 (36), pp. 111–122 (in Russian).
- Cherepnin L.V. *Russkaya paleografiya (Russian paleography)*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1956. 616 p. (in Russian).
- Dyachenko G. (ed.) *Polnyj godichnyj krug kratkih pouchenij, sostavlenykh na kazhdyj den' goda primenitel'no k zhitiyam svyatykh, prazdnikam i dr. svyashch. sobytiyam vospominaiemykh cerkov'yu i prisposoblennykh k zhivomu propovednicheskomu slovu (improvizacii): v 2 t. (A full yearly circle of short teachings compiled for each day of the year in relation to the lives of the saints, holidays, and other priests. events remembered by the church and adapted to the living preaching word (improvisation): in 2 volumes)*. Moscow, Izd. A.D. Stupina Publ., 1896–1897, vol. 1: 1896, XLVIII, 548 p.; vol. 2: 1897, XXXII, 795 p. (in Russian).
- Filippova L.A. *The Great Bridge in the History of Medieval Novgorod. Novgorodskij arhivnyj vestnik. Vyp. 6 (Novgorod Archival Bulletin. Issue. 6)*. Veliky Novgorod, 2007, pp. 33–47 (in Russian).
- Fomina A.V. General characteristics of Novgorod mortgage stone crosses. *Ezhegodnik NGOMZ 2014 (Yearbook of the Novgorod State Museum-Reserve 2014)*. Veliky Novgorod, Novgorod State Museum-Reserve Publ., 2016, pp. 129–135 (in Russian).
- Georgievski M. *Icon Gallery. Ohrid: Institute for Protection of the Monuments of Culture and National Museum-Ohrid*. Ohrid, DOO "Kosta Abras – Grafopak", 1999. 111 p.
- Golubinskii E.E. *Istoriia Russkoi Tserkvi. T. 2: Period vtoroi, Moskovskii. Pervaia polovina toma. (History of the Russian Church. Vol. 2: the Second period, Moscow. The first half of the volume)*. Moscow, Krutitskoe patriarshee podvor'e Publ., 1997. 919 p. (in Russian).
- Gordienko E.A., Markina G.K. (ed.). *Inventory of the property of the St. Sophia Cathedral in 1833. Novgorodskij istoricheskij sbornik (Novgorod historical collection)*. Saint Petersburg, 2003. Issue 9 (19), pp. 507–644 (in Russian).
- Gordienko E.A., Markina G.K. (ed.). *Opisi imushchestva novgorodskogo Sofijskogo sobora XVIII – nach. XIX v. (Inventory of the property of the Novgorod Sophia Cathedral 18th – early 19th century)*. Moscow, Leningrad, Institut istorii SSSR AN SSSR Publ., 1988. 227 p. (in Russian).
- Grigorii Palama. *Besedy. (Conversations)*. Moscow, Izdaniie Spaso-Preobrazenskogo podvpr'ia Valaamskogo monastiria Publ., 1994, vol. 1. 260 p. (in Russian).
- Ioann Damaskin sv. *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very. (The exact presentation of the Orthodox faith)*. Rostov-na-Donu: Priazovskii krai Publ., 1992 (repr. ed.: Saint-Petersburg, 1894). 465 p. (in Russian).
- Karakatsanis A. (ed.). *Treasures of Mount Athos. B' edition*. Thessaloniki, Ministry of Culture, Museum of Byzantine Culture, 1997. 695 p.
- Konkordin A. *Opisanie novgorodskogo kafedral'nogo Sofijskogo sobora. (Description of the Novgorod St. Sophia Cathedral)*. Novgorod, Gubernskaia Tipografija Publ., 1901. 142 p. (in Russian).
- Krasnorech'ev L.G. Contribution crosses of the Church of the Nativity of the Virgin on Molotkovo in Novgorod. *Novgorod i Novgorodskaja zemlia. Iskusstvo i restavratsiia. (Novgorod and the Novgorod land. Art and restoration)*. Veliky Novgorod, Novgorod State Museum-Reserve Publ., 2014, vol. 5, pp. 219–248 (in Russian).
- Krasnorech'ev L.G. A brief overview of the Novgorod contribution crosses. *Novgorod i Novgorodskaja zemlia. Iskusstvo i restavratsiia. (Novgorod and the Novgorod land. Art and restoration)*. Veliky Novgorod, Novgorod State Museum-Reserve Publ., 2014, vol. 5, pp. 216–219 (in Russian).
- Lazarev V.N. Painting and sculpture of Novgorod. *Istoriia russkogo iskusstva (History of Russian Art)*, vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1954, pp. 72–283 (in Russian).
- Lepshina L.A. *Alekseyevsky Cross: history in faces and photos. Sofia (Sophia)*, 2018, no. 2, pp. 25–32 (in Russian).
- Makarii (Miroliubov), arkhiep. Ancient crosses in Novgorod, put up for worship. *Izvestiia Imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Archaeological Society)*. Saint-Petersburg, Imperial Archaeological Society Publ., 1861, vol. 2, pp. 84–102 (in Russian).
- Makarii (Miroliubov), arkhiep. *Arheologicheskoe opisanie cerkovnykh drevnostej v Novgorode i ego okrestnostyah. V 2-h tomah (Archaeological description of church antiquities in Novgorod and its environs. In 2 volumes)*. Moscow, Tipografiya V. Got'e Publ., 1860.
- Makarij (Bulgakov). *Istoriya Russkoj Cerkvi. Kn. 3 (History of the Russian Church. Book 3)*. Moscow, Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhen. Valaam. Monastyrya Publ., 1995. 690 p. (in Russian).
- Medyntseva A.A. Drevnerusskie nadpisi novgorodskogo Sofijskogo sobora. XI–XIV veka. (Old Russian inscriptions of the Novgorod St. Sophia Cathedral. 11th–14th Centuries). Moscow, Progress Publ., 1978. 311 p. (in Russian).
- Nasonov A.N. (ed.) *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvoda (Novgorod First Chronicle of the older and younger versions)*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1950. 642 p. (in Russian).
- Nikolaeva T.V. *Prikladnoe iskusstvo Moskovskoj Rusi (Applied art of Moscow Russia)*. Moscow, Nauka Publ., 1976. 288 p. (in Russian).
- Nikolaeva T.V. Victory Cross of the 14th century. *Drevnerusskoie iskusstvo: XIV–XV vv. (Old Russian Art: 14th–15th Centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 86–93 (in Russian).
- Novgorodskie letopisi (Tak nazyvaemyya Novgorodskaya vtoraya i Novgorodskaya tret'ya letopisi). (Novgorod Chronicles (The so-called Novgorod Second and Novgorod Third Chronicles))*. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1879. 488 p. (in Russian).
- Opisanie Novgorodskago Sofijskago sobora, sostavlennoe protoiereem Petrom Solov'evym (Description of the Novgorod Sophia Cathedral, compiled by Archpriest Peter Solovyov)*. Saint Petersburg, Tipogr. Imperatorskoj Akademii Nauk Publ., 1858. 243 p. (in Russian).
- Pallas D.I. *Passin und Bestattung Christi in Byzanz. Der Ritus – das Bild*. Miinchen, 1965. 340 p. (in German).
- Panchenko V.B. To the question of the classification of stone crosses according to formal features: the eighth type according to I.A. Shlyapkin and the problem of studying crosses "in a circle". *V kamne i bronze. Sb. statej v chest' Anny Peskovoij. Trudy IIMK RAN. T. XLVIII (In stone and bronze. Collection of articles in honor of Anna Peskova. Proceedings of Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, vol. 48)*. Saint Petersburg, IIMK RAS, OOO Nevskaya Knizhnaya Typography Publ., 2017, pp. 407–413 (in Russian).
- Pavlov A.S. (ed.) *Pamiatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Chast' 36. (Monuments of ancient Russian canon law. Part 36)*. 2nd ed. Saint-Petersburg, Tipografija M.A. Aleksandrova Publ., 1908. Part 1: Pamiatniki XI–XV vv. (Monuments of the 11th–15th centuries). 1466 p. (in Russian).

- Pechnikov M.V. Ioann (Stukhin; † 06/24/1417), archbishop of Novgorod. *Pravoslavnaia entsiklopediia (The Orthodox Encyclopedia)*. Moscow, Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsiklopediia" Publ., 2010, vol. 23, pp. 454–461 (in Russian).
- Pirovano K. (ed.) *Icone russe Collezione Banca Intesa. Catalogo ragionato*. Milano, Electa, 2003. Vol. 1. 288 p. (in Italian).
- Pokrovsky N.V. *Evangelie v pamyatnikah ikonografii, preimushchestvenno vizantijskih i russkih (The gospel in the monuments of iconography, mainly Byzantine and Russian)*. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2001. 564 p. (in Russian).
- Postnikova-Loseva M.M. *Russkoe yuvelirnoe iskusstvo: Ego centry i mastera XVI–XIX vv. (Russian Jewelry Art: Its Centers and Masters of the 16th–19th Centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1974. 376 p. (in Russian).
- Preobrazhenskii A.S. Applied art. *Istoriia russkogo iskusstva (History of Russian Art)*, vol. 4. Ed. by E.S. Smirnova. Moscow, State Institute for Art Studies Publ., 2019. pp. 465–655 (in Russian).
- Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei, vol. 8: Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku. (Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 8. Continuing of the chronicle on Voskresensk list)*. Saint Petersburg, E. Prats Publ., 1859. 302 p. (in Russian).
- Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei. T. 16: Letopisnyj sbornik, letopis' Avraamki (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 16: Chronicle of Avraamka)*. Moscow, YARK Publ., 2000. 240 p. (in Russian).
- Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei. T. 27: Nikanorovskaya letopis'. Sokrashchennye letopisnye svody konca XV v. (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 27: Nikanorovskaya chronicle)*. Moscow, Leningrad, 1962. 428 p. (in Russian).
- Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei. T. 37: Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVIII vv. (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 37: Ustyug and Vologda chronicles of 16th–18th centuries)*. Leningrad, Nauka Publ. 1982. 228 p. (in Russian).
- Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei. T. 4: Chast' 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis' (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 4, part 1. Novgorod Fourth Chronicle)*. Moscow, YARK Publ., 2000. 728 p. (in Russian).
- Polnoe Sobranie Russkikh Letopisei. T. 42: Novgorodskaya Karamzinskaya letopis' (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 42: Novgorod Karamzin chronicle)*. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2002. 221 p. (in Russian).
- Putsko V.G. Novgorodskie kamennye kresty s rel'efom (Novgorod stone crosses with relief). *Sofia (Sophia)*, 1999, no. 3, pp. 34–36 (in Russian).
- Rota, in the ancient Russian process. *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona (Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron)*. T. XXVII. Saint Petersburg, 1899, pp. 151–152 (in Russian).
- Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdanaia Imperatorskoi Arkheograficheskoi komissiei (Russian Historical Library, published by the Imperial Archeographic Commission)*, vol. 6. Saint-Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1880. 682 p. (in Russian).
- Rybakov B.A. Russian dated inscriptions of the 11th–14th centuries. *Arheologiya SSSR. Svod arheologicheskikh istochnikov. Vyp. E 1–44 (Archeology of the USSR. Code of archaeological sources. Issue E1-44)*. Moscow, Nauka Publ., 1964. 48 p. (in Russian).
- Shakhnovich M.M., Belsky S.V. "Novgorod" stone crosses of the Western Ladoga region. *Svod arheologicheskikh istochnikov Kunstkamery. Vyp. 2: Epoha bronzy – pozdnee srednevekov'e (Code of archaeological sources of the Kunstkamera. Issue 2: The Bronze Age - the late Middle Ages)*. Saint Petersburg, 2009, pp. 176–185 (in Russian).
- Shalina I.A. Works of icon painting of the Nativity Cathedral of the Antoniev Monastery. *Sobor Rozhdestva Bogorodicy Antonieva monastyrya v Velikom Novgorode. K 900-letiyu osnovaniya (Cathedral of the Nativity of the Virgin of the Antoniev Monastery in Veliky Novgorod. To the 900th anniversary of the founding)*. Veliky Novgorod, 2019, pp. 249–351 (in Russian).
- Shliapkin I.A. Drevnie russkie kresty. 1: Kresty novgorodskie do XV veka, nepodvizhnye i ne tserkovnoi sluzhby (Old Russian crosses. 1: Crosses of Novgorod before the 15th Century, fixed and not church service). *Zapiski otdela russkoi i slavianskoi arkhologii Imp. Russkogo arkhologicheskogo obshchestva (Notes of the Department of Russian and Slavic Archaeology)*, vol. 7, no. 2. Saint-Petersburg, Imperial Russian Archaeological Society Publ. 1907, pp. 49–84 (in Russian).
- Shlyapkin I.A. Ancient Russian crosses. 1: Crosses of Novgorod until the 15th century, immovable and not for church service. *Zapiski otdela russkoi i slavyanskoj arheologii (ZORSA) Imp. Russkogo arheologicheskogo obshchestva (Notes of the Department of Russian and Slavic Archeology of the Imp. Russian Archaeological Society)*, vol. 7, issue. 2. Saint Petersburg, Tipografia I.N. Skorokhodova Publ., 1907, pp. 49–84 (in Russian).
- Smirnova E.S. *Zhivopis' Velikogo Novgoroda. XIII – nachalo XV veka (Painting of Novgorod the Great: Middle of the 13th – Early 15th Century)*. Moscow, Nauka Publ., 1976. 392 p. (in Russian).
- Smirnova E.S., Laurina V.K., Gordienko E.A. *Zhivopis' Velikogo Novgoroda. XV vek (Painting of Novgorod the Great: the 15th Century)*. Moscow, Nauka Publ., 1982. 575 p. (in Russian).
- Solenikova E.V. *Zakladnye kresty v arkhitekture Severo-Zapada Rossii. Nauchnye doklady. (Mortgage crosses in the architecture of the North-West of Russia. Scientific reports)*. Saint-Petersburg: Iazykovoi tsentr Publ., 1996. 24 p. (in Russian).
- Spitsin A.A. *Notes on stone crosses, mostly Novgorod. Zapiski otdela russkoi i slavianskoi arkhologii Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo obshchestva (Notes of the Department of Russian and Slavic Archaeology imp. Russian Archaeological Society)*. Saint-Petersburg, Imperial Russian Archaeological Society Publ., 1903, vol. 5, no. 1, pp. 203–234 (in Russian).
- Sreznevsky I.I. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (reprintnoe izd.) (Dictionary of the Old Russian language (reprint ed.))*. Vol. 3, part 1. Moscow, Kniga Publ., 1989. 910 col. (in Russian).
- Stroev P.M. (ed.). *Sofijskij vremennik, ili Russkaya letopis' s 862 po 1534 god (Sofia Vremennik, or Russian Chronicle from 862 to 1534)*. Moscow, Tipografia Semena Selivanovskogo Publ., 1820–1821. T. II (in Russian).
- Tikhonravov N.S. *Otrechennye knigi drevnej Rossii. T. 1: Drevnyaya russkaya literatura (Renounced books of ancient Russia, vol. 1: Ancient Russian literature)*. Moscow, Izdanie M. i S. Sabashnikovyh Publ., 1898. pp. 212–216 (in Russian).
- Trifonova A.N. *Dereviannaia plastika Velikogo Novgoroda XIV–XVII vekov (Wooden plastic of Veliky Novgorod 14th–17th Centuries)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2010. 158 p. (in Russian).
- Turilov A.A. About the time of the creation of the Novgorod Alekseevsky Cross: the possibilities of non-palaeographic dating (1367 or 1379). *Ot Tsar'grada do Belogo moria: Sbornik statei po srednevekovomu iskusstvu v chest' E.S. Smirnovoi. (From Tsargrad to the White Sea: A collection of articles on medieval art in honor of E.S. Smirnova)*. Moscow, Severnyi palomnik, 2007, pp. 571–580 (in Russian).
- Vagner G.K. *Ot simvola k real'nosti. Razvitie plasticheskogo obraza v russkom iskusstve XIV–XV vekov (From symbol to reality. The development of the plastic image in Russian art of the 14th–15th Centuries)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980. 267 p. (in Russian).